

Стефан Мендель-Энк
Три обезьяны

Stephan Mendel-Enk

Tre Apor

Стефан Мендель-Энк

Три обезьяны

Роман

*Перевод со шведского
Елены Серебро*

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
М 50

Published by agreement with SALOMONSSON AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Мендель-Энк, Стефан

М 50 Три обезьяны : роман / СТЕФАН МЕНДЕЛЬ-ЭНК; пер. со шведского
Е. СЕРЕБРО. — М. : АСТ: CORPUS, 2013. — 224 с.

ISBN 978-5-17-081345-2

Стефан Игаль Мендель-Энк (р. 1974), похоже, станет для шведских евреев тем, кем для американских стал Вуди Аллен. Дебютный роман “Три обезьяны” (2010) — непочтительная трагикомедия о трех поколениях маленькой еврейской общины большого Гётеборга. Старики, страшась ассимиляции, сетуют на забвение обычаев предков, а молодежь, стремительно усваивающая шведский образ жизни, морально разлагается: позволяет себе спиртное, разводы и елку на Рождество.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-081345-2

- © Stephan Mendel-Enk, 2010
- © Е. Серебро, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство Астрель”, 2013
Издательство CORPUS ®

Спасибо Малин

Двое суток бабушка пролежала в холодильной камере, а никто и не подумал попросить раввина благословить место. Об этом вспомнила тетя Лаура. На светофоре рядом с Сальгренской больницей только-только зажегся зеленый свет. Мама опустила стекло и прикурила тонкую белую сигарету от зажигалки с золотым кантом. Она не собиралась брать на себя вину. Она оповестила родственников и приготовила все для поминок. Тем более что в машине, сказала она, сидит человек, который не работает и которому нечем заняться. Может быть, *она* могла бы взять на себя труд позвонить раввину, если уж вдруг стала такой благочестивой.

Тетя Лаура перегнулась через нас с Миррой и ударила маму кулаком в бедро. Мамин папа велел им успокоиться. Рафаэль нажал на газ, и мы помчались в гору к Гульдхедену, через весь город, мимо ко-

нечной остановки третьего трамвая, на покрытую гравием парковку.

Мягкий ветер дул над каменными плитами могил еврейского кладбища Гётеборга. В воздухе висели редкие капли дождя.

Моше Даян прислонил метлу к стене молельни. Скорбно подмигнув единственным глазом, он смотрел на нас долгим понимающим взглядом. Ему было больше восьмидесяти, он был весь седой и согбенный, с длинными когтеобразными пальцами. Общего с настоящим Моше Даяном у него была только пиратская повязка.

Можете побыть там одни десять минут, — разрешил он. — Никаких фото, никаких сигарет, *fierstein*?¹

Он нажал на ржавую ручку, и темно-коричневые двери молельни распахнулись. Все выглядело меньше, чем тогда, но в целом точно так, как я запомнил. Запах сырого дерева, большая звезда Давида на дальней стене, желтое сияние за ней.

Последний раз здесь было битком набито, вдоль стен группками стояли люди, а от тяжелого воздуха

1 Понятно (*идиш*). — Здесь и далее — примечания переводчика.

запотели окна. Сейчас в молельне было пусто. Перед звездой Давида в гробу с открытой крышкой лежала бабушка, мамина мама. Сухая кожа обтягивала скулы. Мама и тетя Лаура сели с обеих сторон у изголовья гроба, соприкоснувшись лбами. Они обняли друг друга за плечи и стали омыwać тонкую кожу бабушки своими слезами. Каждая взяла ее за дряблую руку, хваля ухоженные ногти и обнимающая ладони, которые гладили землю в порту Треллеборга и выписывали рецепты из еженедельника “Хеммет”.

“Я хочу ее поцеловать, мне можно поцеловать ее, Рафаэль, что говорит Тора?”

Лаура так низко наклонила голову, что от бабушкиного лица ее отделяли каких-нибудь десять сантиметров. Не получив вразумительного ответа, она решила, что можно. Держа бабушкино лицо в своих ладонях, она принялась покрывать ее щеки пятнами губной помады, которые стирала большим пальцем.

Из внутреннего кармана она достала серый карманный фотоаппарат. Несколько раз нажала на кнопку: ничего не произошло. Она встала на стул,

потрясла фотоаппарат, но тот по-прежнему не работал. Лаура вытерла линзу рукавом пиджака и сказала, что надо было взять полароид.

Мама порылась в сумочке в поисках своего фотоаппарата и заметила, что правильно говорить так: “Поль — э — ройд”.

“Пола — ро — ид’, — Деббелочка”.

“Поль — э — ройд”, — повторила мама. Это же американская марка, и надо произносить на американский лад.

Тетя Лаура проинформировала маму, что она тридцать лет прожила в Нью-Йорке и что если бы там действительно выражались таким *mishiggine*¹ образом, она бы это усекла. Не поднимая глаз от сумки, мама сказала, что так бы наверняка и было, если бы она регулярно общалась с другими людьми. На работе, например.

Судя по моим часам, уже перевалило за четверть одиннадцатого. Десять минут, обещанные нам Моше Даяном, истекли. Тетя Лаура опустилась на стуле на корточки и попросила меня и моих брата

1 Идиотским (*идиш*).

с сестрой встать за гробом. “До чего же ваша мама способный человек, — заметила она, расстегнувшись. — Подумать только, жить в Гётеборге и так хорошо знать английский”. Она изобразила мамин шведско-английский акцент и не смогла удержаться от смеха.

У мамы стали медленно раздуваться ноздри и распахиваться глаза. Выдвинув челюсть, она в конце концов замахнулась на Лауру кулаком, и та быстро попятилась. Поскользнувшись, Лаура потянулась рукой к спинке стула, и на секунду показалось, что ей удастся удержаться. Но в следующее мгновение она ничком упала в гроб.

Спустя каких-то полчаса началась церемония, и все было приведено в порядок. Пришли бабушкины сестры со своими семьями. Дяди в кепках стояли, широко расставив ноги и опираясь на палки, а тети, от которых пахло сладкими духами, раздавали бумажные носовые платки. У задней стены, на приличном расстоянии от мамы, сидели люди, которых я не видел больше десяти лет.

Прочитав молитвы, раввин похвалил бабушку за ее выпечку, которая часто украшала субботний

киддуш¹ в общине, и за ее вклад в еврейскую карточную игру. Использованные платки упали на пол, коробки с новыми пошли по кругу.

Я был одним из семи мужчин, которые несли гроб по кладбищу. Мы поднялись в гору и остановились у ямы к северу от парковки. Когда настала моя очередь бросить горсть песка на гроб, я изо всех сил старался представить себе бабушку, но у меня перед глазами все время были картины предыдущей церемонии, в которой я участвовал. Когда в тот раз я поднимал лопату, за мной вилась длинная очередь. Дымка, которая заволокла зимнее небо, объятия взрослых. Звони. Заходи. Приходи с сестрой.

Я передал лопату. Ветер шумел в голых ветках, которые отделяли наше кладбище от соседних.

1 Трапеза после службы (*идиш*).

Остатки еды на тарелках подобрали булочками с маком. Лосось скоро кончился, как и салат с яйцом и большая часть *gehackten*¹, которую принесла тетя Бетти. Стол с серебряными подсвечниками посередине покрывала блестящая скатерть.

Новые солонка и перечница все застолье простояли без дела рядом с бокалом папы Мойшовича. Перед Рафаэлем лежал раскрытый молитвенник — сидур. Закатав рукава рубашки, одной рукой он облокотился о соседний стул. В руке он держал булочку, от которой иногда отламывал кусочки и клал их в рот.

На маме был черный, слегка блестящий костюм. Когда она тянулась через стол, на ее руках позвякивали большие браслеты.

¹ Рубленая печень (*идиш*).

К темно-синим брюкам Ингемар надел галстук в косую полоску. Время от времени он обходил стол и проверял, все ли в порядке. Всякий раз, проходя мимо меня, он поправлял ногой ковер под столом.

Группка в углу украдкой принялась поедать кокосовое печенье мамы Мойшович, которое стояло на голубом баре. Тетя Лаура открыла бар и достала оттуда несколько бутылок, а также мой поцарапанный бокал для киддуша, который там нашла. Она спросила, что с ним случилось, но ответа не получила.

Из салфетницы достали розовые салфетки, которые смяли и бросили на лежащие крест-накрест приборы. Из кухни принесли поднос с молоком, сахаром и низкими чашками.

В большой спальне на верхнем этаже после обеда дремал дедушка, мамин папа. Миррина комната была рядом, и дверь в нее была открыта. Тугие подушки абрикосового цвета горкой лежали на цветастом покрывале. Письменный стол стоял у окна. Ее дневники лежали в нижнем ящике.

Я достал стопку и положил ее на пол. Почти все дневники выглядели одинаково. На обложке — де-

вочки-блондинки в соломенных шляпках, внутри округлые буквы, на полях — принцессы в локонах.

Светло-голубой дневник, целые куски которого я знал наизусть, лежал в середине. Он был полон детских наблюдений, которые наполнились новым смыслом после случившегося. “На репетиции Якоба мама и папа держались за руки”. “Сегодня у нас ужинал мамин начальник”. “Папа сказал, что, может быть, в декабре после Хануки поедем к Рафаэлю, может, даже на все рождественские каникулы!”

Хотя прошли годы, мама по-прежнему не особенно распространялась о прошлом и по-прежнему переходила на другую сторону улицы, заведя кого-нибудь из старых друзей по общине. А в еврейском доме престарелых сидела мамэ, сбита с толку и сверх всякой меры одурманенная лекарствами.

Я сидел на полу, обложенный дневниками, пока не услышал, что меня зовут с нижнего этажа.

Я стал бар-мицвой¹ через две недели после того, как мне исполнилось тринадцать. Было это в начале августа. В саду сильно пахло розами. Мы ехали в синагогу, опустив стекла.

Мы жили в светло-желтом таунхаусе в каких-нибудь десяти километрах от города. Два этажа с коричневой мебелью, мягкими диванами, итальянскими пластинками, маминым куриным супом, разделенным на порции, которые хранились в морозилке, книгами, фотоальбомами, каталогами заказов по почте и комиксами, как попало лежащими на книжных полках, мезузами на дверных косяках, картинами с бородатыми скрипа-

¹ Обряд, знаменующий вступление еврейского мальчика в совершеннолетие. Совершается по достижении тринадцатилетнего возраста.

чами и позолоченными лампами, которые выступали из рам.

Мама и папа купили дом за несколько месяцев до рождения Мирры. Рафаэль получил отдельную комнату, а меня поселили в соседнюю, где стояла кровать для ожидаемого братика — или сестрички. Помню, что первое время после переезда папин ящик с инструментами часто стоял наготове и что мы играли в снежки, когда в саду первый раз выпал снег. Однажды ночью, когда я проснулся и быстрыми шагами прошел через маленький холл, чтобы лечь между мамой и папой, их кровать оказалась пустой. Я звал их до тех пор, пока не услышал, как Рафаэль крикнул, чтобы я лег рядом с ним. Рано утром мы проснулись оттого, что над нами склонился папа в верхней одежде и сказал, что у нас появилась младшая сестренка.

Сразу после нашего переезда район стали заселять евреи. Семья Грин купила дом по другую сторону маленького леса, Крейцы и Мойшовичи поселились в квартале к северу от детской площадки, а наши ближайшие друзья, Берни и Тереза Фрид-

кин, приобрели низкий кирпичный дом меньше чем в четверти часа ходьбы от нас.

Мама работала на полставки в офисе рядом с Авенюн¹, а по вечерам училась в гимназии. Во втором классе гимназии она бросила учебу и отправилась автостопом в Рим. Всего лишь через несколько месяцев она устроилась официанткой и встретила Гиги — длинноволосого актера, который ездил на мотоцикле. Еще через несколько месяцев она забеременела, и они поженились в ратуше на Пьяцца Нуова, причем свидетелями у них была вся театральная труппа Гиги.

После рождения Рафаэля бабушка просила маму писать ей каждую неделю. Мама писала об его первой улыбке, первом зубе, о том, что ночью он почти не просыпается и не кричит, о том, что он может часами тихо сидеть и играть кошельком или связкой ключей, пока она гладит и сортирует белье. Она не упоминала о том, какими однообразными, по ее мнению, стали дни. Что она целыми днями только и делает, что готовит завтрак, стирает, покупает еду,

1 Главная улица Гётеборга

готовит обед и катит коляску по пустынным улицам, чтобы Гиги мог спокойно поспать в сиесту. Или о том, что иногда, стеля по вечерам постель, находит на простынях следы туши.

Бабушка с дедушкой приехали к ней в гости за несколько дней до того, как Рафаэлю исполнилось три года. Они поужинали в ресторане в том же квартале. Когда дедушка поел, бабушка велела ему отвести Рафаэля к фонтану на площади перед рестораном. Она села рядом с мамой, так что они обе оказались лицом к площади и могли смотреть на детей, гоняющих голубей по старому бульвару. Дедушка с Рафаэлем купили маленький бумажный кулек с зерном, чтобы кормить птиц. Бабушка спросила маму, как дела, и, не поверив маминому ответу, приподняла ее солнечные очки.

Когда они вернулись домой, Гиги был на работе. Бабушка и дедушка помогли маме снести сумки вниз.

В Гётеборге мама и Рафаэль поселились в квартире ее родителей на площади Одинплатсен. А через год с небольшим в доме на улице Тредье Лонггата, принадлежащем общине, освободилась однокомнатная квартира.

В то время папа учился на врача. Однажды по дороге домой из окна трамвая он увидел маму, которая шла по улице. Он знал ее по общине, она училась на курсах иврита, только в группе постарше, но они никогда не разговаривали друг с другом. Папа спрыгнул с трамвая, догнал ее и спросил, не хочет ли она помочь с еврейским молодежным фестивалем, который он тогда устраивал со своими друзьями.

В последний день фестиваля они стали парой. Большая фотография, на которой они сидят, обнявшись, загорелые и улыбающиеся в окружении других участников фестиваля, долго висела на стене над стиральной машиной. На одной из кнопок, держащих фотографию, висела еще серия снимков, сделанных в фотоавтомате: я, Рафаэль и Мирра показываем язык.

Мама и папа продолжали участвовать в делах общины. Вечерами гостиная часто заполнялась полужащими на диване друзьями. Они организовывали семейные лагеря, футбольные турниры и большие шабатные ужины. Иногда к ним приходил какой-нибудь русский невозвращенец или при-

глашенный американский профессор в вельветовом пиджаке — и оставался на ночь.

Моя дверь всегда была чуть-чуть приоткрыта, и я лежал лицом к полоске света, прислушиваясь к голосам с нижнего этажа, к английскому, шведскому, отдельным словам на идише и иврите, которые вместе с сигаретным дымом поднимались по лестнице и сливались со звуком телевизора и глубоким дыханием Мирры.

Минимум раз в неделю, когда папа работал в ночную смену, а мама училась вечером, мы оставались на попечении маминых родителей. Они приезжали на машине, нагруженной лекарствами от боли в животе, таблетками сахарина, еженедельниками, тапочками, пластмассовыми контейнерами и плитками шоколада. После ужина они заваривали чай в кофейнике и садились к телевизору.

Иногда вместо них приезжали мамэ и папин папа, а иногда и все вместе. Мы с Миррой наряжались и устраивали для них представления в гостиной, а они нам аплодировали.

Летом, окончив гимназию, Рафаэль уехал в Израиль. Собравшись за кухонным столом, мы читали

его аэрограммы, а его фотографию в солдатской форме повесили на холодильник. Я писал ему на его собственной старой почтовой бумаге с изображением персонажей из серии комиксов “Пинатс”, рассказывал, как идут дела у клуба “Бловитт”¹ и кто вошел в десятку музыкальной радиопрограммы *Tracks*. Во втором классе Мирра стала заниматься танцами. В третьем ее взяли в маленькую детскую группу. Репетиции проходили в Большом театре². Мама закончила учебу и, переменяв несколько занятий, получила должность помощника начальника в Западно-шведской торговой палате — ее выбрали из сотен соискателей. Про папу написали в газете. Он защитился по терапии и получил свою докторскую шляпу на торжественной церемонии в ратуше.

В тот день, когда позвонил его коллега, я сидел за письменным столом в своей комнате. Я был дома один и пытался вставить пленку в фотоаппарат, который получил на бар-мицву. На третий сигнал

1 “Бловитт” (*швед. Blåvitt*) — “Бело-голубые”, прозвище гётеборгского футбольного клуба, цвета которого совпадают с цветами израильского флага.

2 Название Театра оперы и балета в Гётеборге.

я встал и пробежал примерно десять шагов до телефона в холле. Телефон стоял на выкрашенной в белый цвет деревянной подставке возле зеленого дивана с вельветовыми пуговицами. Я взял трубку, одновременно сев на подлокотник дивана. Голос на другом конце провода спросил, дома ли мама, а потом представился.

Только когда коллега назвал свой номер во второй раз, я взял одну из ручек, лежавших рядом с телефоном. С нижней полки подставки вытащил телефонный каталог. Почти вся обложка была исписана номерами и разрисована человечками. В правом верхнем углу я записал шесть цифр. Положив трубку, оторвал клочок, спустился по лестнице и оставил бумажку в кухне на разделочном столе перед радио.

Я встал с пола и сбежал вниз по лестнице. Меня звала Мирра. Она стояла у окна гостиной и стучала по стеклу указательным пальцем. Дедушкина машина, повторяла она. Вот там, на улице. Она видела, как проехала машина.

Я встал рядом с ней, не сомневаясь, что она обозналась. Другие тоже не сомневались. В комнате раздались вздохи и смешки — разве ей можно верить? Затем прошло, наверное, полминуты, и за изгородью со стороны парадного крыльца показался дедушка, папин папа, с палкой и в пальто. Опираясь на тетю Ирен, он шел к дому.

Ирен помогла ему стянуть пальто. Сжав губы, он повел себя, как Ицхак Рабин, когда тому пришлось пожать руку Арафату у Белого дома. Он позвал к себе меня и Мирру, крепко нас обнял, глубоко вздохнул и проковылял в гостиную.

Встав посреди комнаты, он протер рубашкой свои очки в черной оправе и сказал, что не начнет, пока все не соберутся. Это было явно адресовано маме, но тот факт, что он находился в ее доме, похоже, не влиял на его решение больше никогда не произносить ее имени. Он долго стоял на одном месте, слегка покачивая кривым боком.

Мама спустилась из туалета с новым слоем губной помады на губах. Ее лицо освещала улыбка, которая и на тысячную долю не казалось такой напряженной, какой наверняка была. Пока мама усаживалась в кресло, дедушка смотрел в пол. Ингемар стоял сзади, крепко держа спинку кресла.

“Ну”, — тихо произнес дедушка.

Из внутреннего кармана пиджака он вынул сложенный листок, который не спеша развернул. Затем откашлялся и принялся читать.